СПЕЦИАЛЬНЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ

4-й ГОД ИЗДАНИЯ № 19 ЦЕНА 15 КОП.

СМЕХАЧ

ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

МАЙ Ленинград, Просп. 25-го Октября, 88. Телефон редакции и конторы 5-49-78. 1926 ГОД

ТОЖЕ РЕЖИМ ЭКОНОМИИ

Рисунок углем Б. Антоновского

— Ваше величество, прикажите затопить камин. От этой забастовки меня бросает в дрожь...
— Дорогой мой, мы принуждены экономить на угле.

САМАЯ ЭКОНОМНАЯ СТАТЬЯ ОБ ЭКОНОМИКЕ

Лучше меньше, да лучше.

Ленин

РАЗМЫШЛЕНИЯ ЗА ПИСЬМЕННЫМ СТОЛОМ

На экономическую тему.

Директора синдикатов и трестов,
Комбинатов, «Кустов» и Промторгов,
Бритые важные люди,
Слезающие с автомобильных подушек,
Плавно втекающие в широкие двери
подъездов,
С портфелями, набитыми туго,
Шуршащими свежей бумагой...

Члены правлений,
Восседающие за зеленым столом,
Пьющие чай с лимоном,
Совращенные люди,
Познавшие сладкий яд совместительства...
Завы, преды, замзавы,
Ответ-работники, пожирающие
Персональные ставки,
Командировочные,
Подъемные,
Премиальные,
Разъездные...

Шустрые управделы,
Балдеющие секретари,
Сногсшибательные секретарши,
Бородатые кассиры,
Тощие бухгалтеры,
Члены фабкомов,
Члены завкомов,
Члены месткомов,
Кооператоры столичные и низовые,
Набрасывающие планы во дворцах Ильинки
И торгующие завалью в крытых тесом по
требиловках
Волостного масштаба...

Завскладами, завбазами, завмагазинами,
Устроители объединители, согласители...
Агенты по заготовкам,
Агенты по скупке,
Агенты по сбыту—
Люди, в тонкости изучившие
Капризы селянского нрава...
Ласковые подрядчики,
С беспокойным блеском в глазах,
С сокровищем в теплых ладонях,
Пожимающие руки в тиши кабинетов,
В коридорах, на лестницах,
В «Бенцах» и «Фордах»...

Очаровательные рыжеволосые красавицы,
Предъявляющие спрос на шеншеля и па-
лантины,
Женщины-вдохновительницы
Подложных счетов и расписок—
Все, все, все вы
Прошли предо мной
Пестрой, шумной, причудливой вереницей
И —
Сели,
В разное время,
По разным делам,
На скамью подсудимых!..

Александр Флит

РЕЖИМЩИК ТРИШКИН

Если вы увидите на улице: бежит человек, бежит и вдруг останавится и, жестикулируя пальцами, о чем-то горячо рассуждает сам с собой — знайте, это и есть знаменитый Тришкин.

Как-то Тришкину сказали:

— Тришкин, спешите делать ваши дела! Слыхали? Ледниковый период надвигается. Все замерзнем, все пропадем!..

— Чтоб я замерз?! — вскричал восторженно Тришкин. — Это же нужно время иметь, чтобы замерзнуть! Мне некогда. Пускай мерзнут другие.

— А что же вы будете делать, Тришкин, если льдом покроется вся Европа?

Он схватил собеседника за пуговицу.

— Послушайте, это наверное? Вся Европа? Ой, как замечательно! Я буду поставлять лед в Австралию!

Грандиозные планы сразу захватили Тришкина: он уже видел себя ледниковым королем, утирающим нос всяким там американским Рокфеллерам.

Но, узнав, что ледниковый период наступит лет через тысячу, он покрутил в воздухе пальцами и сразу остыл:

— Че-рез тысячу лет? Это не для делового человека! Я не могу ждать тысячу лет.

Режим экономии наступил значительно скорее ледникового периода и застал Тришкина в самый разгар его кипучей работы по всевозможным учреждениям Союза.

Вы спросите: что делал Тришкин?

Он делал все, что дает деньги. Выражаясь фигурально — он делал деньги.

Размах в работе этого универсального человека был бесконечно велик: он искал вентиляторы для технического бюро, подписчиков для дамского журнала и каракатицу для Зоологического сада.

Встречаясь со знакомым на улице, он брал его под-руку и отводил в сторонку:

— Послушайте!. Мне нужна каракатица. Вы не имеете в виду? Нет? Может быть, вы знаете, к кому обратиться?

Режим экономии спутал Тришкину все карты:

— Вы, только подумайте, что взяли себе в голову эти учреждения!—ожесточенно рассекая пальцами воздух, возмущался Тришкин: — Им уже не надо комиссионеров! Они уже сокращают накладные расходы! Они уже берут каракатиц из первых рук! А? Уже куда ни прибежишь, везде только и разговору: режим, режиму, режиме... С ума сойти!

— Что же вы будете теперь делать, Тришкин?

— Что я буду делать? У меня уже есть идея.

Последуем же за Тришкиным, бегущим по улице, войдем вместе с ним в громадное казенное здание и посмотрим, чем занялся гениальный Тришкин.

* * *

Тришкин—в кабинете. По одну сторону стола — обыкновенный директор; по другую — необыкновенный Тришкин.

Директор: Приготовили?

Тришкин: Что значит? Конечно! (Победоносно вынимает бумагу из портфеля). Вы можете быть уверены, товарищ директор, что если не опытный режимщик Тришкин, так уже никто! (Кладет бумагу на стол и чешет себе пальцем подбородок). Вот. Я уже набросал две программы: программа-минимум и программа-максимум. Минимум? (Презрительно сжатые губы). Это же дрянь! Это же дешовка! Это же не для вас! Какой-нибудь паршивенький доклад второсортного лектора на сто рублей; одна маленькая брошюрка—на триста рублей. Это же кот наплакал! Такую программу я занесу в какой нибудь кооперативчик. А у вас же, слава богу, учреждение! У вас же масштаб! Нет, вы послушайте, что я вам дам на программу-максимум! Во-первых... (Широкий, охватывающий пол-мира жест рукой)..., ударная неделя докладов: „Что такое режим экономии", „Сущность режима экономии", „Режим, как таковой", „Экономия, как таковая", „Как проводить режим", „Семья, быт и режим экономии", „Церковь и режим экономии", „Многополье, травосеяние и режим". „Радио и режим". . А кто читает? Профессор Мухин, приватдоцент Брюхин, митрополит Введенский! Это же все тузы! Дальше. Во-вторых: серия брошюрок по режимно-экономическим вопросам, еженедельник „Голос режима экономии".

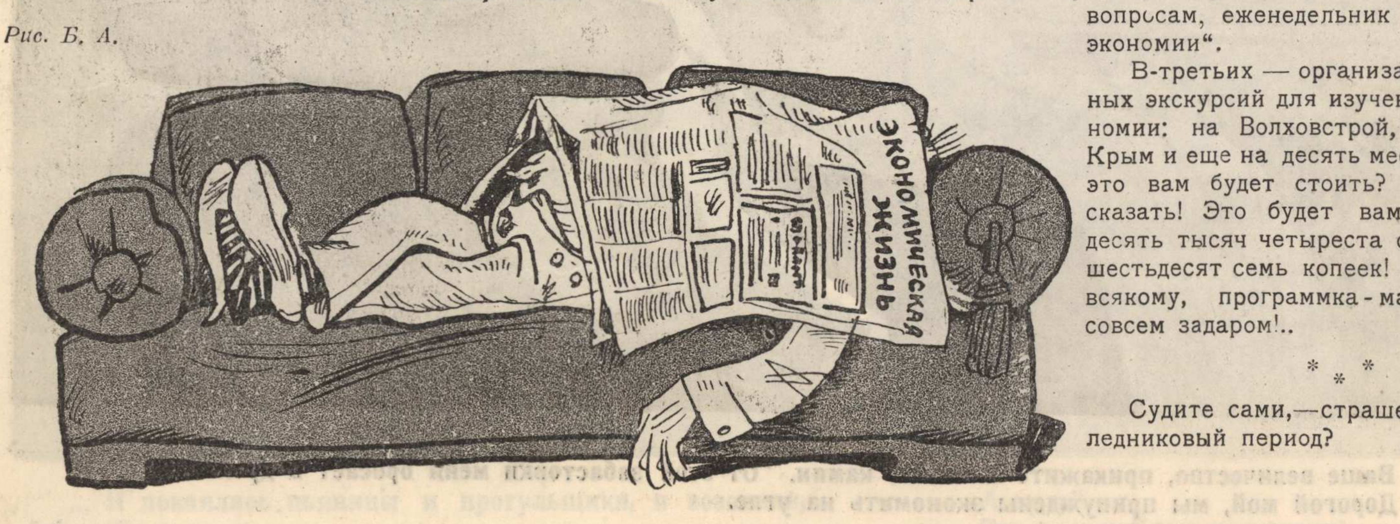
В-третьих — организация специальных экскурсий для изучения режима экономии: на Волховстрой, на Кавказ, на Крым и еще на десять мест. И сколько же это вам будет стоить? Прямо смешно сказать! Это будет вам стоить всего десять тысяч четыреста сорок три рубля шестьдесят семь копеек! Такая, дай бог всякому, программка-максимумчик — и совсем задаром!..

* * *

Судите сами,—страшен ли Тришкину ледниковый период?

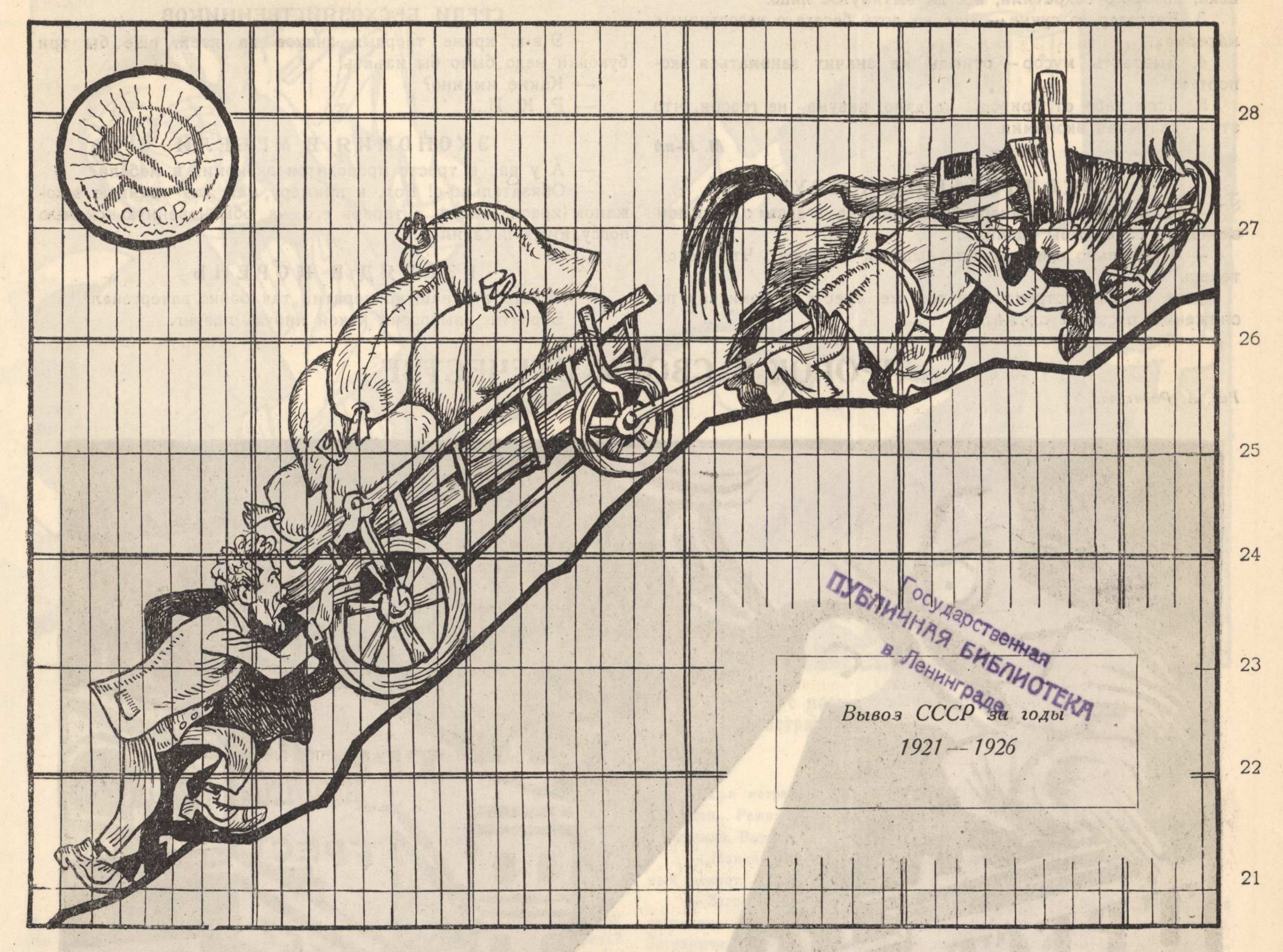
Ив. Прутков

Рис. Б. А.

КРИВАЯ ВЫВОЗА

Рис. Б. Антоновского

— Ничего! Эта кривая—вывезет.

ЭКА! — НОМИСТЫ

I.

К вопросу подойдя в упор, на-днях я вел горячий спор с одним приятелем-рабочим — об экономике и прочем.

Мелькали громкие слова:

— Союз. Республика. Москва. Стихия. Воля человека...

Он усмехнулся раза два и вдруг сказал угрюмо:

— Эка...

Я замолчал. Я ждал, что вот засим последует вся фраза:

— Эка-номический подход...

— Эка-номическая база...

Но он поглубже влез в пальто...

(Шел дождь: „гроза в начале мая").

...И кончил, ворот подымая:

— Эка, надеются на что! Я самый лозунг не бракую. Да люди нынче — сор и хлам!

И вот историю какую поведал с желчью пополам.

II.

Однажды некий важный пред, натужась, встал с широких кресел.

Вздохнув, Дзержинского портрет на место видное повесил.

Велел немедля заменить, чтоб резче подчеркнуть идейку, плакат:

— Без дела не входить!

Плакатом:

— Береги копейку!

Потом потер вспотевший лоб, подрыгал ножкой в остром джимми и, в теле чувствуя озноб, назначил совещание об:

— Экономическом режиме.

III.

Где взять перо и карандаш для обрисовки важных миссий возникших тут же и тогда ж экономических комиссий?

Здесь — чад.

Там — дым.

Горит сыр-бор:

Доклады! Списки! Протоколы! Всесокрушающий разбор!

Взаимно-едкие уколы! Вопрос — что сутки, то острей! Милльон помарок и подчисток! И тихий гул секретарей! И томный трепет машинисток!

Не даром остроумный „виц" пустил по свету председатель:

— Что за комиссия, созда ель, быть сократителем девиц!

IV.

Полгода—двери на засов! — сидели с мудрым видом сов экономические маги.

Убита тысяча часов.

Ушло 17 стоп бумаги.

Протерлось 10 пар штанов.

Стопталось 20 пар набоек.

И все во имя перестроек экономических основ!

И вот — поймали осетра в хитро расставленные верши: сокращены (ура! ура!) один курьер и две курьерши.

Смолкает шопот за дверьми.

Летят, спешат, стрекочут вести:

— Триумф! Победа! Тыща-двести остались в кассе, чорт возьми! За труд! За труд! Все по местам! Улыбкой осветите личность! Вот вам свободная наличность, кассир Матвей Ионыч Штамм!

V.

Кассир Матвей Ионыч Штамм отнесся к делу очень просто: добавил к тысяче двумстам еще семь тысяч девяносто, по стенке кассы в забытьи постукал пальцами, как дятел, взял с полки шляпу вышел и —

Растратил.

VI.

Мораль ясна, как ананас. Таков уж недостаток века!

Экономисты-то у нас — от слова:

— Эка!

А. д'Актиль

МЫСЛИ БЕЗРАБОТНОГО ЭКОНОМИСТА

1. Если подрядчик оставил на столе у зава кучу бумажек в три червонца, не думай, что бумажный кризис изжит.

2. Обманчивой наружность бывает! Так, например, у человека, которого сократили, всегда вытянутое лицо.

3. Разговор о сукне — еще не есть беседа о недоступных материях.

4. Вывозить мусор — отнюдь не значит заниматься экспортом.

5. Если тебе от природы не дано разума, не говори, что это — разумная экономия.

М. К-ий

ЗАКОЛДОВАННЫЙ КРУГ

— Слыхали? Александра Михайловича в связи с режимом экономии со службы уволили.

— Правильно сделали: никудышний работник. Что же он теперь делает?

— А он уже устроился: в том же тресте в комиссии по снижению расходов служит.

КАЖДОМУ СВОЕ

— Теперчи бы самое время новый праздничек установить...

— Какой тебе еще?

— Да в честь этого... Как его?.. Режима Экономии.

СРЕДИ БЕСХОЗЯЙСТВЕННИКОВ

— Э-э-х, кроме твердых знаков да ятей, еще бы три буковки надо было бы изъять!

— Какие именно?

— Р, К, И...

ЭКОНОМИЯ В МЕБЕЛИ

— А у вас в тресте проводится экономия в мебели?

— Обязательно-с! Вот, к примеру, наш зав — раньше в кожаном кресле сидел, а теперь его на обыкновенную скамью подсудимых посадили.

ВЗГЛЯД В КОРЕНЬ

— Отчего это наш кооператив так бойко заторговал?

— Вероятно, выбросил какой нибудь лозунг.

ПРОРОК В СВОЕМ ОТЕЧЕСТВЕ

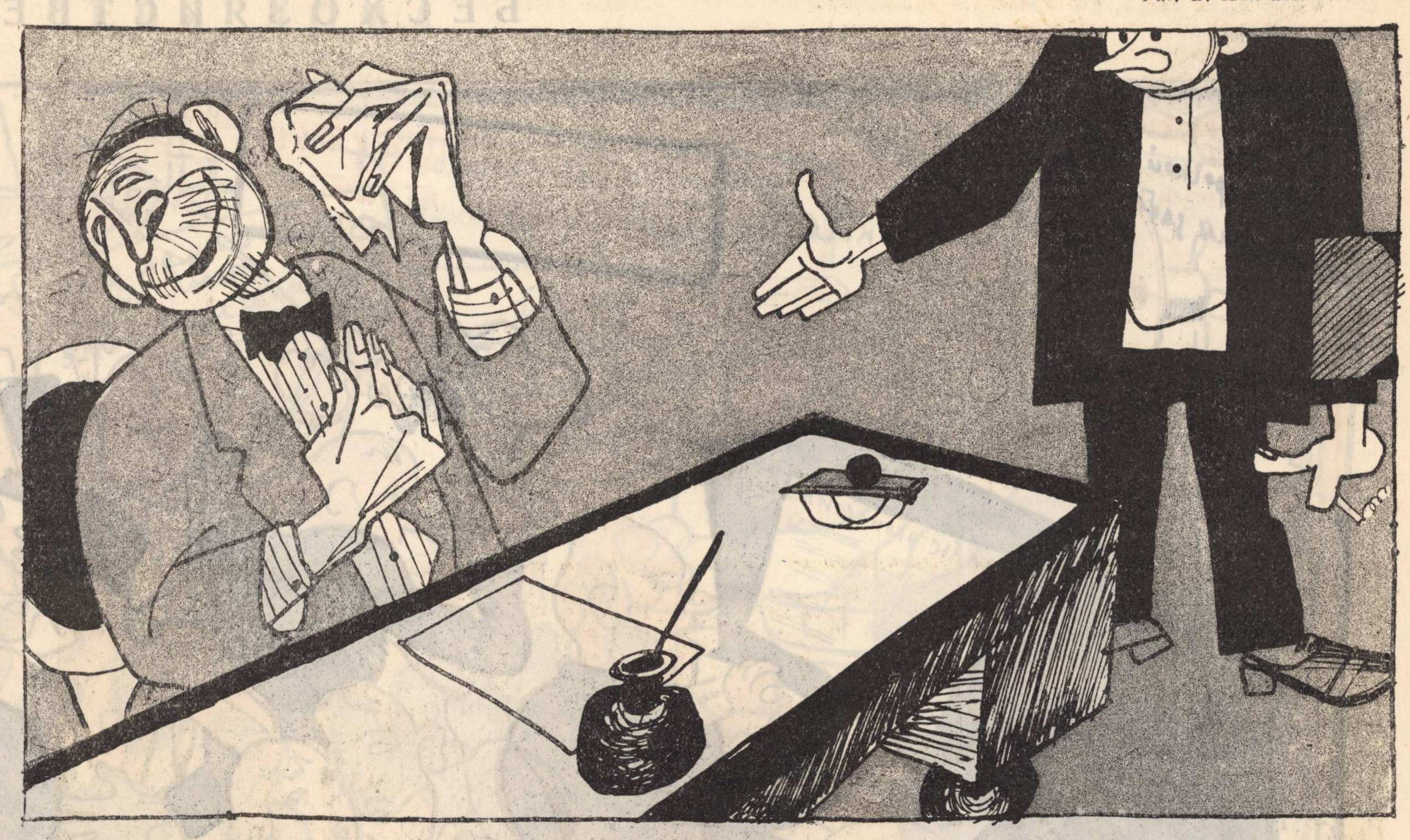
Рис. А. Радакова.

ГЛАЗ ВОПИЮЩЕГО

НАШИ ДОСТИЖЕНИЯ

Рис. Б. Малаховского

— Иван Михайлович! Кассир-то наш... ревизия обнаружила... четыре с половиной тысячи хапнул...
— Слава тебе, господи! 70 проц. экономии! Прошлогодний кассир растратил, подлец, двенадцать тысяч семьсот!

ГОСТОРГОВЛЯ НА РАСПУТЬИ

До режима экономии с розничной госторговлей было очень просто.

— Мне бы ситчику метров 8. На платье,—говорила покупательница.

Международная приказчичья вежливость диктовала готовый ответ.

— Ситчику-с? Господи! Ситцами, можно сказать, славимся. Вам в полоску? В клеточку? Бутоном? Горошком? Темных цветов? Светлых? Но только, уважаемая, честью говорю: стоит-ли вам ситчик-то брать? На платье могу посоветовать первеющий шевиот...

— Так это-же шерстяное!

— Действительно, шевиот—шерстяное. Но должен вас предупредить, что шерсть в смысле добротности завсегда впереди бумаги идет. Что ситчик? Тлен ситчик. Марля, а не ткань. Хороший шевиот от 12 рублей метр...

— Господи! Да откуда же мне... Мне бы ситчику по сорок копеек...

— Ситчик, действительно, гражданка, в 30 раз дешевле. Это вы правильно вычислить изволили-с. Но только, извиняюсь, он качеством в сто раз хужее. В общем и целом, вы шевиотовое платье 7 лет носить будете. А сколько вы за это время ситцевых сносите?

— Всю жизнь, родной, ситцевые-то носила.

— Приверженность, действительно, у населения к ситцам имеется. Только вы то, гражданка, сообразите, что это от старинки осталось. Когда сами, извиняюсь, холсты ткали. Что касаемо шевиота, то как заграничный товар...

— Да не по карману мне шевиоты-то ваши! Коли есть ситец—давайте. Да потемнее цветом-то. Не маркого. Восемь метров...

— Ежели, конечно, не по карману... Но только что-же вы с восемью метрами делать будете? Помилуйте, гражданка. Вам меньше 14-ти метров никак нельзя.

— Мне? Четырнадцать?

— Обязательно-с. Он, ситец-то, узкий. Для уважающего себя платья меньше 10-ти на самую сухощавую фигуру не идет. А вы...

До режима экономии с розничной госторговлей было очень просто. Надо было убедить взять не 8 метров, а 16, не за шесть сорок, а за сто-тридцать пять, и не ситцу, а шевиоту. И хотя убеждали редко, но старались во всю.

С режимом экономии психология купли-продажи изменилась в корне. Все пошло шиворот-на-выворот. И если какая-нибудь покупательница, так блестяще распропагандированная в прежнее время насчет преимуществ шевиота, над ситцем придет покупать этот самый шевиот—с ней надо будет обойтись решительно и круто.

— Три метра шевиоту? В такое время, гражданка! Сокращение расходов... Режим экономии... Очень рекомендую: не зарьтесь на шерсть, гражданка. Возьмите бумажного чего-нибудь.

— Помилуйте! С бумажными материалами разор один. А заграничный шевиот...

— Заграничный-с! Ну, уж извините. Ежели каждой покупательнице заграничный товар отпускать... За заграничный-то товар золотом плачено. Заграничный-то товар, извиняюсь, та-же валюта. А за валюту теперь—сами знаете. Честью говорю: возьмите бумажного-с.

— Да ведь я шевиот, можно-сказать, 7 лет носить буду...

— Ну, и семь! Что-ж, что семь? Действительно, материя выносливая. Так, может, выносливая-то материя государству на другое что пригодится. Может, выносливая-то материя ему для деревни нужна. Для хлебной кампании.

— А городским в рвани ходить?

— Зачем же обязательно в рвани с? Бумажный фабрикат при аккуратной носке очень даже благообразный вид имеет. Бумажный фабрикат...

— Нет, уж вы мне, пожалуйста, всетаки шевиоту. Хоть русского. Три метра...

— Уж и три! Гражданка, в Эс-эс-эс-эре жителей-то знаете сколько? Полтораста миллионов жителей. Ежели на каждого по 3 метра, так это п лмилльярда метров получается. При нашем производстве...

— Так пусть другие и покупают бумажное. А мне уж шевиоту. 3 метра.

— Три метра никак не могу отпустить вам, гражданка. Подумайте! При теперешних коротких модах на вашу, извиняюсь, фигуру—метр-три четверти за глаза в обрез.

— Вы мою фигуру, пожалуйста, не троньте. У своей жены фигуры-то рассматривайте. Я про свою фигуру сама знаю. Три метра мне..

— Ну, в таком разе, гражданка, не иначе, как за ваше упорство протокол составлять придется. Очень даже подозрительное упорство. Конечно, может, ваш муж растратчик и ему на казенные деньги—тьфу, но только...

А самое плохое во всем этом то, что, когда вы наконец убедите покупательницу купить не 3 метра, а полтора, и не за 36 рублей, а за шесть гривен, и не двойного, а ординарного, и не шевиоту, а ситцу,—то окажется, что ситцу во всем синдикате нет.

Равно как, впрочем, и шевиоту.

Да, тяжело с розничной госторговлей при режиме экономии. Только тем и утешаешься, что и с оптовой не легче.

Мелитон Шишкин

БЕСХОЗЯЙСТВЕННИКИ У СЕБЯ ДОМА

Рис. Н Радлова

ДОКЛАД О РЕЖИМЕ ЭКОНОМИИ И ВЕЧЕР В КУЛЬТКОМИССИИ ПУХТРЕСТА ПОД ЛОЗУНГОМ: „КОПЕЙКА РУБЛЬ БЕРЕЖЕТ"

5 ЛОШАДЕЙ И 1 ЧЕЛОВЕК

(Ввиду режима экономии, число живого скота и людей сокращено в восемь раз)

Не сетуйте, дорогой читатель, на краткость заметок—наш девиз отныне: сжатие аппарата и максимум производительности!

ТЯЖЕЛАЯ АТЛЕТИКА

Как сообщают „Красной Газете“ из Москвы:

Стчет «Треугольника» весит 35 пуд. и содержит *22000* страниц.

Эх, жаль, нет под руками, ни Поддубного, ни Збышко-Цыганевича: взяли бы чемпионы мира отчетец в правую руку, да запустили бы в голову Правления.

А РКИ не может. Руки заняты. Отчеты пишет.

СЛАДЧАЙШИЕ ЛЮДИ—

сидят в „Сахаротресте“. Анкетки сочиняют. По слухам „Ленингр. Правды“—

Отделение «Сахаротреста» в недельный срок затребовало от своих предприятий анкету, с ответами на 48.000 (сорок восемь тысяч) вопросов, длиною в *3 метра*.

Ф-фу, наконец-то перешли мы на метрическую систему на практике!

КРЕМЕНЧУГСКИЙ НОТ

Хорошо поставлена организация труда в Кременчугской промышленности:

В Кременчуге на каждого рабочего приходится *пятнадцать* прогулов в месяц.

(«Эк. Ж.»)

Иными словами, рабочие *работают через день*.

Не мало усилий затратили кременчугские товарищи, чтобы поднять технику и механизацию производства настолько, что ежедневная работа становится ненужной. Граждане Форд и Тэйлор! Небось это и вам не снилось в вашей американской дыре?!

30.000 КУРЬЕРОВ

Ну, это мы, пожалуй, хватили, тридцати тысяч не будет, но около того:

Обслуживающий аппарат Главного Электротехнического Треста (ГЭТ) очень велик: *один курьер приходится на 10 человек* служащих, *одна машинистка—на 3—4 человека*.

(«Эк. Ж.»).

И все вместе, курьеры, служащие, машинистки, завы, ложатся тяжким грузом на одну 25-ти свечную лампочку ГЭТ'а! Тут вам не только советская лампочка, тут никакой „Осрам“ не выдержит!

РЕВИЗИОНИТ

Нечто среднее между чумой и холерой. Новая болезнь, поражающая нас и кооп-органы, преимущественно, на местах. „Р. Край“ пишет:

Эпидемия ревизий обрушилась на муромский райсоюз. Посудите сами. В течение истекшего полугодия, с октября по конец марта райсоюз обследовали: инспектор губ. РКИ—34 дня, инспектор губвнуторга—9 дней инспектор ВТС—2 дня, инспектор товарной биржи—2 дня, фининспекторы—11 дней, инспектор Резинотреста—2 дня, инспектор труда—2 дня, инспектор Всекобанка—2 дня, инструктор коопсовета—21 день, инструктор Центросоюза—17 дней. Всего за полугодие обследование заняло 102 дня.

Просто как в аптеке: 6 месяцев $= 182^1/_2$ дням, $182^1/_2 - 102 = 80^1/_2$ дней. А праздники? А предпраздники? А послепраздники? Итак—102 дня не работали, потому, что „обревизовывались“, остальные дни не работали, т. к. или готовились к ревизиям, или обсуждали результаты ревизий.

А селедочка у частника дешевле, а керосин у частника—дешевле, а мыло у частника—дешевле!!!

То-то и оно!

Рис. К. Р.

СПЕЦ-ГОЛОС.

— И ничего у них из режима экономии не выйдет! Сам при старом режиме экономом был!

ЕПО—ХА

Наша эпоха, в некотором смысле, может быть названа Епо-хой, из за обилия Епо, размножившихся по лону СССР. Хозяйственный народ!

Пучежское ЕПО отдало изрядный запас протухшего мяса обществу охотников на приманку волков.

(«Р. Кр.»),

Ведь вот до чего додумались. Не выбросили свиньям, или там в помойную яму, опять же на производство мясо пошло! Не успел это Феликс Эдмундович Дзержинский приказа об экономии дать, как ЕП-Овцы не подкачали! Режим, братцы, режим!!

ПУСТЯШНОЕ ДЕЛО

После заметки о „Сладчайших людях“ с 48.000 вопросов не хотелось ставить заметки о пустяшной анкетке с 1.600 вопросов. Как ни-как, в 30 раз меньше. А впрочем, за кампанию можно и белорусскую анкетку тиснуть.

В июне 25 года Лесбел (Упр. Лесн. Пром. Белоруссии) получил задание Центра изготовить 5-летний план. Сидел, корпел Лесбел 4 месяца Составил. Послал. Через несколько месяцев—телеграмма: «Даешь на 5 лет вперед балансы!»

Покорпели. Дали.

А в марте не угодно-ли новое предложение: напечатать новый план, по новым формам, с 80 вопросами и 20 «подвопросами», итого *1.600 граф*. Работки месяца на три с гаком.

(«Звезда»).

Вот пишут анкеты, пишут и никому в голову не придет вопросец один в анкеты вставить: „*Не роняла-ли вас нянька в детстве?*“. Вставить вопрос и анкету гражданам из Лесо-Центра подсунуть, на предмет чистосердечного ответа.

Тут все и откроется.

КТО ОБЖИГАЕТ ГОРШКИ?

Все было очень просто. По словам „Кочегарки“ (Донбасс):

Управгруппой Константиновских *Керамических* Заводов попросил тарифно-нормир. бюро представить свои соображения по поводу сокращения расходов. Зав. бюро почесал за ухом и предложил: *снизить архивариуса на один разряд*.

Не боги горшки обжигают, но даже ослы!

ЭКСПОРТ БИТОГО СТЕКЛА

Думаете—ошибочка—экспорт битой птицы? Нет-с, битую птицу всякий дурак вывозить может, а вы вот поучитесь битое стекло вывозить!

Акт приемки товаров в Реште (Персия), отправленных Продасиндикатом (Москва).

Из принятых ламповых стекол № 30 — 5.937 штук оказались целыми, а остальные 3.224 шт.—поломанными.

Из стекол № 20 целых оказалось всего лишь 969 шт., а остальные 1.539 шт. оказались поломанными.

В ящиках, где были упакованы ламповые стекла № 15, целых оказалось 6.741 шт., а поломанных 3.339 шт.

Из ламповых стекол № 10 целых оказалось 1.455 шт., а поломанных—1.545 шт.

Из 6.942 стаканов 3.124 шт. оказались целыми, а остальные 3.818 шт.—поломанными.

Из прибывших 14.000 шт. стаканов целых оказалось 6.142 шт., а остальные 7.838 шт. оказались поломанными.

(«Эк. Ж.»).

В общем и целом это называется: выполнить экспортную программу, примерно, на 50%; а если персы недовольны, то это, несомненно, результат английского влияния!

КСТАТИ ОБ ЭКОНОМИИ НЕРВНОЙ ЭНЕРГИИ

Рис. Б. Малаховского

МОЗГ ХОЗЯЙСТВЕННИКА В РАЗРЕЗЕ

РЕЦЕПТ

Сверкают солнечные зайчики на переплетах грязных рам, гудят по летнему трамвайчики на поворотах по утрам.

Скользят задумчивые пальчики по исходящим номерам.

А солнце (солнце прямо летнее!) играет краскою волос... И плешь бухгалтера заметнее и деловодов ярче нос; и в яркое блеске неприветнее бумаг разбросанных хаос.

Чулки—танго. Прическа—челкою Глаза подмазаны слегка. Едва справляется с иголкою неторопливая рука...

Ах, как противно счеты щелкают в руках главбуха-старика!..

Пришла уборщица Аксиния и унесла пустой стакан... А небеса, как папка, синие сверкают ярче, чем бакан... И облаков прозрачных линии белей парного молока.

Какая к чорту „экономия“, когда в душе кипит весна, когда горит физиономия, а блузка светлая тесна! Ей прочих чувств любовь знакомее, а „продуктивность“ — неясна.

Мне жаль таких. Да! Я стремительно не обвиню ее. Я нем.

Корпеть над папками томительно, когда в душе — каскад поэм. Я поступил бы снисходительно, *освободив таких совсем.*

Р. Волженин

НЕОБЫКНОВЕННЫЙ СЛУЧАЙ

(Трагедия)

Действующие лица:

Евграф Дольский — один из пишущих в „Смехаче“.

Маркел Пряников — один из читающих „Смехач“.

Действие происходит в провинции.

Мар. Пряников Увы! Увы! Увы!

Евгр. Дольский. Что с вами?

Мар. Пр. Этот каналья газетчик взял и не оставил мне „экономического“ номера „Смехача“.

Евг. Д. Я могу помочь вашему горю наполовину.

Мар. Пр О, влейте бальзам в мое преисполненное скорбью сердце!

Евг. Д. С удовольствием. Я прочитаю вам рассказ, который идет в этом номере „Смехача“ за подписью „Евграф Дольский“.

Мар. Пр. На безрыбьи и рак рыба. Я слушаю.

Евг. Д. Внимание! Рассказ называется:

В КООПЕРАТИВЕ

Двое стоят и разговаривают. Один приказчик кооператива, а другой покупатель. Одна из полок битком набита товаром.

Вот разговор этих двух:

Приказчик. Уверяю вас, что в январе мы продавали этот товар всего по сорок пять копеек за штуку, хотя он нам стоил франко Москва целых тридцать копеек. Но нам сказали: ваша накидка возмутительна и мы послушались.

Покупатель. Охота вам врать.

Прик. Клянусь вам бородой. Прошу даже убедиться, вот видна январская расценка — „45“, а вот мартовская — „32“. Накидочки было только две копейки. Но разве мы перед этим остановились? Уже в апреле мы начали торговать себе в убыток. Вот апрельская цифра — „25“. Пять копеек на штуке убытка!

Покупатель. (Его реплику зри выше).

Прик. Клянусь вам честью. И я вас сейчас убью одним словом. Сейчас у нас май. Мы решили продвинуть товар еще глубже к потребителю. (Указывая на полку) Желаете, продадим вам неограниченное количество по гривеннику?

Покупатель (вяло). Кабы по пятаку.

Прик. Извольте. Согласны и на такой убыток. Сколько вам завернуть?

Покуп. Одну штуку.

Прик. Прошу вас. Одновременно предупреждаю вас, что в частном магазине вам продадут не дешевле гривенника.

Покуп. Я знаю.

Прик. Пожалуйста, предупредите знакомых о наших скидках.

Покуп. Ладно . . . .

. . . .

Мар. Пряников. Слушайте, писатель, и вам не стыдно так морочить нас? Да где это бывают такие кооперативы? На луне? Лживый, возмутительный фельетон! Наконец, я даже вообразить не могу, что это за товар такой, на котором кооператив соглашается терпеть такой убыток!

Евг. Дол. (зло). В товаре, милый мой, вся и соль. Товар этот — табель-календарь на первое полугодие 1926 года!

Евграф Дольский

РЕШИЛИ ЭКОНОМИТЬ

Рис. Б. Антоновского

Наркомторгом получены сведения, что некоторые частные фирмы, учитывая происходящую кампанию по сокращению расходов, также наметили мероприятия в этой области.

— Что это вы, Исаак Маркович, на извозчиках ездить перестали?
— А приказ Дзержинского читали? То-то!

РЕЖИМ

Головотяпскому уклону экономического режима посвящается.

Я, товарищи, смотрю так: экономия экономии рознь.

К примеру, возьмем нашего Николая Семеныча.

Николай Семеныч, говорить нечего, человек неглупый. Очень даже неглупый человек наш Николай Семенович: говорят, он в разных университетах учился и даже чуть-чуть факультета не окончил.

И хотя Николай Семеныч человек беспартийный, но в прочих партиях не состоял и в белых и зеленых армиях не служил.

В понедельник Николай Семеныч явился на работу с опозданием: на полчаса опоздал.

Никогда этого раньше с ним не бывало, а тут вдруг такое случилось. В чем дело?

Оказывается, ломовой виноват. Вез ломовой, конечно, дрова и застрял на самом неинтересном месте: поперек трамвайного пути застрял. Дрова, известное дело, рассыпались, и вагон стал. Вожатый закурил, а вагон стоит. Ясное дело — полено не человек: враз не переедешь. Так Николай Семенович пешком и пришел.

— Вы бы на автомобиле, Николай Семенович, — говорили мы.— Бумажки срочные.

— Автомобиль—излишество,—сказал Николай Семенович и папиросу закуривает.

Глядим—„Смычка". Раньше „Экстру" курил, а теперь „Смычку". Удивительно даже!

— Вы, — говорит, — не удивляйтесь! Я, как старший по службе, хотя и товарищ, а пример в экономии показать должен. Экономию,—говорит,—завсегда с себя начинать надо, чтобы приучиться.

Потом повернулся к Елене Захаровне и говорит так задумчиво:

— Выписать,—говорит,—на каждого сотрудника, включая курьеров, по экземпляру „Экономической Жизни". Пущай,— говорит,—приучаются!

Потом пошел в кабинет и бумаги велел давать для подписи. Подписал две-три бумаги и обратно выходит. Выходит, а вид у него расстроенный.

Выходит и прямо подходит к делопроизводителю.

— Что это такое?—говорит.

А сам бумагой в нос тычет.

— Бумага,—говорит Иван Михалыч.

— То-то и оно, что бумага. А что есть бумага?

Делопроизводителя даже в испарину вдарило.

— Бумаги,—говорит,—разные бывают, Николай Семеныч. Это, например, сношение, а бывают, например, акты, докладные записки... Разные бумаги бывают, Николай Семеныч!

Николай Семеныч головой закрутил: не то, мол.

— Бумага, — говорит, — народное достояние. Должны мы при режиме народное достояние сберегать? Должны. А у вас что?

Взял Иван Михалыч бумажку, повертел в руках и вздохнул.

— Верно,—говорит Иван Михалыч.— Запачкана бумажка.

— Не в том дело,—говорит Николай Семеныч.

— В чем же?

— А в том, говорит,—дело, что поля очень большие и много бумаги зря идет. Распорядитесь!..

И опять в кабинет.

Иван Михалыч, конечно, немедленно распоряжение отдал, чтобы полей не было.

— Так как, — говорит, — режим и даже, — говорит, — сам Николай Семеныч внимание обратили, то предлагаю всей канцелярии иметь бумажки в одном экономическом размере. А размер такой: 4 × 5 вершков.

Ну, мы, конечно, стали бумагу резать. А ввиду срочности и неимения под рукой аршина, стал я измерять суставом. Всякий дурак знает, что средний сустав пальца, который указательным называется (им в носу тоже ковыряют, так что узнать его легко), как-раз вершку равняется.

Смерил я суставом одну бумажку и давай по ней резать. Елена Захаровна, на меня глядя, тоже принялась резать. И тоже с суставом.

Мы режем, а Иван Михалыч кругом ходит. Одобряет.

И вдруг меня словно кипятком ошпарило.

Елена Захаровна на меня смотрит, удивляется.

— Что, — говорит, — с вами, Пал Палыч? Лица, — говорит, — на вас нет.

— А то, — говорю, — что, благодаря вашему равноправию, получился ущерб экономии. Какое же,—говорю,—к чертям равноправие, когда у нас суставы разные?!

Ее враз как осенило. Сразу поняла.

— Верно—говорит, женский сустав не соответствует. Спортила,—говорит,— я целую стопу зря.

— Как стопу?!..

— А так,—говорит.—Отдала я двум курьерам образцы: режут теперь.

Я за бумажки схватился, сравнивать начал. Действительно, разница.

А Николай Семеныч из двери,—где „без доклада не входить" висит,—голову выставил:

— Распоряжение,—говорит,—сделано?

— Сделано,—говорю.

А у самого во рту нехорошо стало даже.

— Что ж—говорю,—Елена Захаровна,—делать будем?

Она в платок плачет.

— По случаю,—говорю,—режима, придется всю неподходящую бумагу пожечь.

Так и пожгли. А моя бумага тоже не годилась: пришло из треста распоряжение—4 × 4 вершка.

И эту пожгли.

Николай Семеныч очень сердились, но сжечь разрешили. Нельзя не сжечь: экономия! Мыслимое-ли дело—директиву не выполнить?

Разрешил Николай Семеныч и на трамвае уехал.

А сзади пустой автомобиль с шофером шел.

На случай трамвайной задержки.

Р. Волженин

МУЖИКИ И ГОРШКИ

На всякий случай, еще один раз о 45-ти тысячах импортных эмалированных ночных горшков для деревни

Просили Мужиков:
— „Хоть парочку Горшков
Возьмите для почину".
И был ответ таков:
— „Хоша
Посуда хороша,
Да нам, вишь, не по чину!"

* * *

Видали дураков?
Дай дураку Горшок—сейчас же бросит
И... трактор для себя попросит.

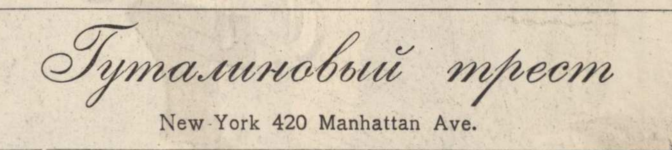
Ив. Прутков

СЛУЧАЙНОСТЬ

Да! Этот трест был совершенно исключительный, особенный!

У каждого сотрудника был, правда, автомобиль, но никогда он не числился в списке накладных расходов треста. Директор треста, чорт возьми, был одет с иголочки! Во рту его дымилась неизменная гаванна. Но, честное слово, и сигара, и костюм, и два бриллиантовых кольца на левой руке директора, — все это ни в какой мере не отражалось на расходах треста. А кассир? Этот милый человек имел все человеческие достоинства и недостатки. Немного кутил, немного играл... Но при чем здесь состояние кассы? Свое жалование человек может тратить как угодно... Что-ж, часть своего жалования кассир и тратил!

Как это ни странно, трест давал прибыль. Огромную прибыль! И реклама — ничуть не висела камнем на шее треста... Ах, что это была за реклама! Не какие нибудь пять строк петита позади текста, могущие разорить предприятие, а огромные электрические молнии, горевшие в небе днем и ночью, тысячами цветов и оттенков и кричавшие:

М. К-ий

ЭКОНОМИКА И КОСМЕТИКА

— Какая разница между пишмашинисткой и спецом?

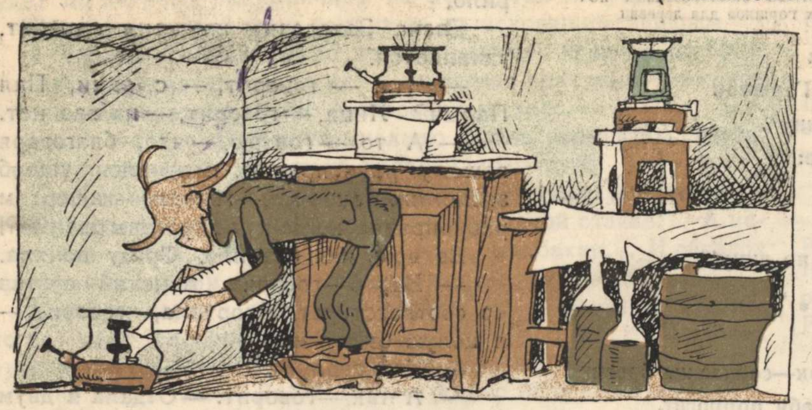
— У машинистки рыльце в пуху, когда она напудрена, а у спеца рыльце в пуху, когда он подмазан!

Издатель „ГУДОК". Ответственный редактор А. С. Андрейчик.

Ленинградский Гублит № 16236. Гос. тип. им. тов. Зиновьева. Ленинград, Социалистическая, 14. Заказ № 2694. Тираж 80.000

ЕВЛАМПИЙ НАДЬКИН ПРОВОДИТ РЕЖИМ ЭКОНОМИИ

Текст А. д'Актиля (Бесхозяйственные параллели) *Рис. В. Антоновского*

1. По стенкам плесень. Гриб в углах.
Разъело сыростью подушку.
Но, экономя на дровах,
Иную Надькин вводит сушку.
Она дороже раза в два —
Зато нетронуты дрова!

2. — Не иначе, как поклеп на Надькина! — скажет читатель. — Не бывает такой экономии в жизни!

Ошибся, читатель! Бывает! Знаешь ли, что кровельный трест прекратил, из экономии, осушку ремонтируемого дома и велел немедленно вселить туда рабочих. Будут, мол, жить и высушат. Как будто здоровье у рабочих дешевле дров. Так-то...

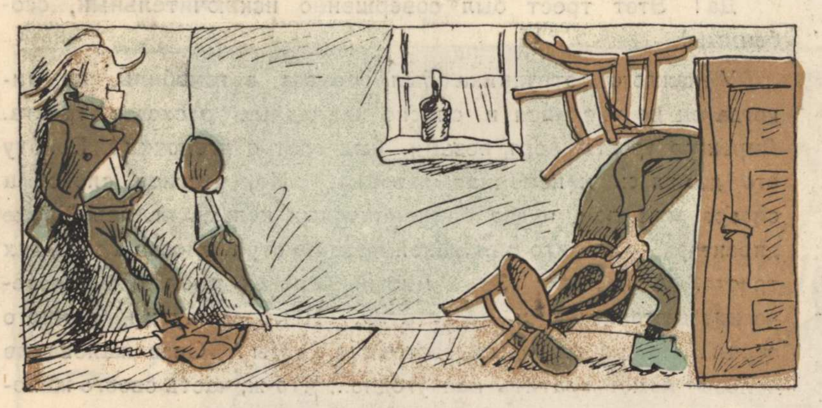

3. Бесплодный денег перевод —
Менять набойки и подметки!
Беречь их надобно... И вот
Евлампий, от избытка сметки,
Чтоб обувь не влачить в пыли —
Приобретает костыли.

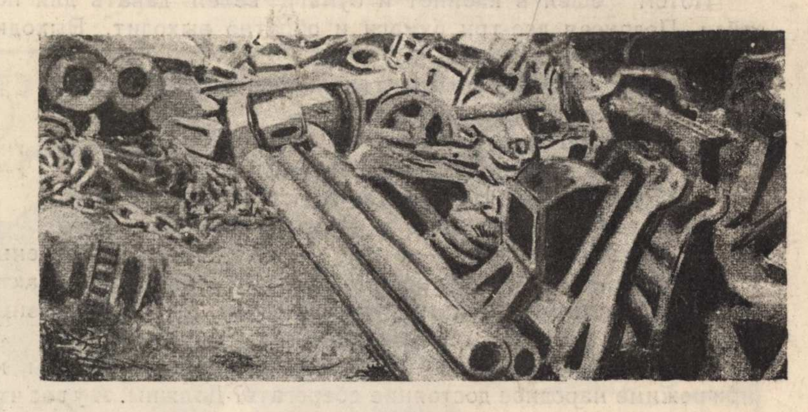

4. — Ну, уж это... — скажет читатель.

Ничего не это, уважаемый. Совсем даже наоборот. Читал ли ты в «Экон. Жизни» про зава, который хвастался, что его инженеры за год ни одной поездки на заводы не делали! Что вот он, мол, сколько денег на разъездах сберег! А что заводы без хозяйского глаза в убыток работали, об этом умный зав даже не подумал. Эх, читатель!

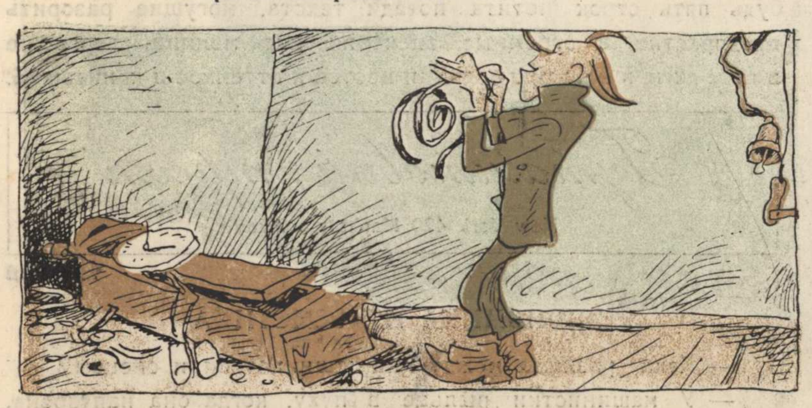

5. Не тратиться ж на ресторан,
Чтобы устроить вечеринку!
— „Эй, дядя, покупай диван!"
„Бери комод и керосинку!"
Всю обстановку свел на-нет —
А зря не выбросил монет!

6. — Чепуха! — скажет читатель. — Да в жизни...

Эх, читатель! А ведь жизнь переплюнула Надькина. Задумал завод „Красный Путиловец" юбилей справлять. И вместо того, чтобы помещение снять, стал за три недели до юбилея тракторную мастерскую очищать. Работу остановил, производство за целый месяц на 30% понизил, рабочих часов уйму извел — а экономию соблюдал: не снял помещение.

7. Сломал звонок... А денег жаль
На материал и на починку!
И Надькин, вытянув спираль,
Ее пристроил, как пружинку.
Знаток в часах пошлет упрек —
Но... Надькин целый рупь сберег!!

8. — Да помилуйте! — завопит читатель.

Не помилуем. Не можем помиловать. Ведь головотяпы, вроде вышеописанных, экономя на материале, способны выстирать бессмертную Джиоконду и на освободившемся холсте экономические лозунги написать! Этого еще не было? Верно. Но будьте спокойны, ежели за головотяпов не возьмутся — будет!